

Табачков Олег

Для театральной энциклопедии он оказался слишком молод, вошел только в приложение. Люди среднего возраста знают его как Олега Савина, молодые — как Вольфганга Моцарта. Те, кто ходит сейчас в школу, как жителя деревни Простоквашино кота Матроскина. Любят — все без исключения. Созданный им на улице Чаплыгина Театр-студию в просторечии ласково называют Табакеркой. Под его-то гостеприимной крышей я и познакомился с Олегом Павловичем.

Олег

ТАБАКОВ:

"В нашей профессии нужно иметь мужество и честолюбие, чтобы вовремя уйти"

— Олег Павлович, в вашем кинодебюте фильме «Шумный день» по пьесе Виктора Розова, борясь с мещанством, вы шашкой рубили мебель. С каким злом стали бы вы сражаться сегодня?

— Отождествлять актера с его героем — грубейшая ошибка. Мало ли что мне доведется играть — женщину, стул? Если пришлось бы снова рубить зло шашкой, я начал бы с двух человеческих грехов: беспамятства на родство и на сделанное добро. Оба они ведут к оскудению и потере корней. Кстати, фильм «Шумный день» был вторым на моем счету. Первый, «Тугой узел», поставленный Михаилом Швейцером, 30 лет пролежал на полке.

— Биография актера — это роли. Какие из них вы считаете самыми значимыми?

— Социологи утверждают, что идеал прекрасного меняется у человека каждые семь лет. Но мне (хотя иногда кажется, что с тех пор канула вечность) по-прежнему душевно близки такие герои, как Олег Савин из фильма «Шумный день», Искремас («Гори, гори, моя звезда!»), Илья Обломов. Каждую из этих ролей я вспоминаю с удовольствием, каждая кажется мне по-своему прекрасной.

Были и другие — роли, которые я мечтал сыграть и которые мне так и не достались. Например, Хлестаков. В Пражском театре я был им 32 раза в течение месяца. Несмотря на то, что я играл на русском языке, а местные актеры говорили по-чешски, успех был бешеный! Пожалуй, больше такого на мою долю не выпало ни разу.

По статистике и генетике я актер чисто рус-

ский. Национальная драматургия, явственно произрастающая на русской земле из правдоподобия невероятного, мне близка и кровно необходима. С удовольствием играл бы Островского, Гоголя, Чехова, Сухова-Кобылина. Что ни пьеса, то роль для бенефиса!

Из тех пьес, в которых я занят сейчас, выделю бы четыре МХАТовские постановки: «Амадей», «Кабала святош», «Горе от ума» и спектакль «Ужин», поставленный совместно с моим Театром-студией. Эта нагрузка не позволяет мне реализовать себя полностью как актера. Но большего позволить себе не могу. На мне лежит ответственность за тех, кто работает в Театре-студии, тех, кому я преподаю. Оба эти дела отнимают уйму сил и времени.

— Многие считают, что театр сегодня находится в коматозном состоянии.

— Иногда действительно кажется, что государственные мужи изо всех сил стараются этого добиться. Первого марта меня известили, что государственное субсидирование новых постановок Театра-студии будет прекращено. Полтора года ни гроша не выделяют на учебные цели. Спасибо Инкомбанку. Его поддержка позволила платить зарплату актерам и части технического персонала, организовать в студии и в учебных классах бесплатное питание из расчета примерно по доллару в день на человека. Теперь по крайней мере не будет голодных обмороков!

— Вы жалуете о прошлых временах?

— Реформы оставили у меня впечатление, будто ударили мешком по голове. Векторы нравственности и социального прогресса ра-

зошлись в прямо противоположные стороны. И все же, невзирая на материальные трудности текущего момента, я не хотел бы жить так и в том обществе, которое было у нас до 1985 года. Как ни странно, малоприглядные изменения в государстве породили в театре перемены, которые меня очень радуют.

В каждой подворотне выросли студии, как грибы после дождя. Конечно, все это ненадолго. В ходе естественного отбора уцелеют только те, которые способны глубоко и искренне показать цену изначальных человеческих ценностей: жизни и смерти, веры и предательства, те, кто проявят много умения и понимания в постановках Чехова, Островского, Шекспира и Вампилова. Останутся театры-библиотеки наподобие Комеди Франсез и Национального театра Великобритании. И, конечно, «раздевалка». Она тоже нужна людям!

— А зрители изменились?

— Взыскующая русская душа — находка для театра. Отмена идеологических догм образовала в душе молодежи вакуум, и она, устав жить отрицанием, вернулась в зрительный зал в поисках прекрасного. Изменилась и мотивация посещения театра. Раньше многие ходили в него, чтобы иметь возможность поддержать «светские» разговоры. Сознаться, что не видел престижную постановку, считалось постыдным. И сейчас иногда люди готовы отдать за билет на спектакль буквально последнее. Но не на тот, который хвалят, а тот, который выбрали сами.

— Театральный репертуар наводнен пьесами западных драматургов. Разве свои, доморощенные, писать разучились?

— Не все из пылившегося в отечественных закромах сегодня подходит. Солженицын? Платонов? Это та нравственная баня, пройти через которую можно, только глубоко заглянув внутрь себя. Маститые драматурги, такие, как Розов и Мачин, молчат. Новые, молодые авторы, пришедшие в театр в постперестроечные годы, дали больше. Мы ставим три спектакля — драму Олега Антонова «Смертельное убийство», пьесы Алеши Богдановича «Норд-ост» и «Гольдони». Это выполненное в лучших традициях русского театра драматическое исследование феномена человека, новая правда, новая информация о нем. Пьесы такого плана мы будем ставить и в дальнейшем.

Я буквально болен идеей инсценировки повести Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Как актуальны образы Порфирия Петровича, Любиньки! Текст пока никто для нас не написал, на худой конец займусь этим сам. В конце концов я автор двух пьес, одна из которых не сходит с театральных подмостков 34 года. В известном смысле я неоклассик.

— Что собирается писать и ставить Табаков-драматург и режиссер, понятно. А каковы ближайшие планы Табакова-актера?

— В нашей профессии нужно иметь мужество и честолюбие, чтобы не напакостить людям и вовремя уйти. Через пару лет, когда мне стукнет шестьдесят, оформлю пенсионную книжку. Тогда и подумаю, чем стану заниматься. Точно решил, что после 65 руководить театром перестану, а преподавать не брошу.

— Как вам нынешняя Россия?

— Каждый представляет это по-своему. Президент США, вероятно, воспринимает Россию как великую страну, ибо с ее военным потенциалом хочешь — не хочешь, а считаться приходится. Я вижу ее величие в другом. В слезах, которые льют ученики театральной студии Бостона, когда прощаются с МХАТовскими педагогами. Не испытывшие голода и политических катаклизмов, сытые и здоровые, они тем не менее сильно недолюблены. Они плачут своими слезами, не теми, которые актеры вызывают, нохая зажатую в кулаке ватку с нашатырным спиртом или закапывая в глаза глицерин. Именно это ключ к познанию нашего национального богатства и величия.

— И последнее. Олег Павлович, после публикаций в некоторых московских газетах всех интересует, что вы едите и почему вы ушли из семьи.

— Ем что придется. «Закусон» во время спектаклей вносит в однообразное, теперь холостяцкое меню приятное разнообразие. А развод стал необходим, когда я почувствовал, что меня стали рассматривать дома как главным образом агента по снабжению. Всякому безобразию должно быть свое приличие. И в 58 начать новую жизнь не поздно!

Андрей ВЕЙМАРН.